

Илья Муромец и Сокольник (2)

У того у моря у холодного,
У того у камня у Латыря,
Тут живет един сын с родной матушкой.
Молода юность, десяти годов,
Он замог, детинушка, конём владать,
Он немецким копейцом замог штурмовать,
Он здымать замог свою палицу бую,
Хоть не тежолую палку — девеносто пуд.
И говорил тогда детинка таковы слова:
«Уж ты ой еси, мать моя родимая!
Мне-ка дай благословеньицо великое
Ходить мне-ка, ездить по чисту полю!»
Выводила она ему тут коня доброго,
Выносила ему сбруню лошадиную,
Выносила копейцо бурзومهцкое
И выносила ему саблю вострую,
Указала ему палицу бую
И стала тогды ему наказывать:
«Уж ты ой еси, мое чадо милое!
Ты когды поедешь по чисту полю,
Ты увидишь когды старого седатого,
Не доедиши старому, с коня ставай,
Кланяйся старому понизёшинько,
Понизёшинько старому, ниже пояса,
Ниже пояса старому, до сырой земли,
До сырой земли старому, в ногу правую».
Отправляетца удалой доброй молодец,
Седлат-уздат коня доброго,
Перекресницу кладёт через хребётну степь,
Не для ради басы — да ради крепости:
Не оставил бы меня добрый конь во чистом поле.
Кладёт свои доспехи богатырские,
Берёт свою саблю вострую,
Берет от копейцо бурзومهцкое,
Берет свою палицу бую,

Садитца он на добра коня,
Распрощаетца со своей родной матушкой,
И поехал он ступцой потихошинько.
Поехал детина по чисту полю,
Со утехами он своима потешаетца:
Впереди его бежит большой [белый] зверь,
Позади его бежит большой черной медведь,
По праву руку бежит чёрной выжлочек,
Как по левую бежит его серый волк,
На правом плече сидит блад ясен сокол,
На левом плече сидит блад сизой голубь.
Он и левою рукою нонь коня правит,
Правою рукою ярлыки пишёт,
Он разметывает по полю по чистому,
По тому ли раздолю по широкому.
Мимо едет крепку заставу великую,
Где стоят двенадцать руських богатырей,
Пасут-берегут стольной Киев-град.
Туда ясной сокол не пролётывал,
Туда серые волк не прорыскивал,
Доброй молодец удалой не проезживал —
Эта крепкая застава великая.
Он двенадцать богатырей ничем зовет —
Стучит-гремит матушка сыра земля:
Тогда услышал старой Илья Муромец,
Выходил старой вон на улицу
В одной беленькой рубашечки без поеса,
В одних беленьких чулочках и без чобота.
Он скоро заходит во белый шатер,
Говорит своей дружинушки хороброей,
Своим двенадцати руським богатырям:
«Уж вы ой еси, могучие богатыри!
Проехал богатырь по чисту полю,
Нас, двенадцать богатырей, видно, ничем зовёт,
Он ничем, видно, зовёт нас, ни во што кладёт».
Говорил тогды старой таковы слова:
«Уж ты ой еси, Олешинька Попович блад!
Попроведай ты удала добра молодца:
Он коей земли, какого города,

Он какого отца, которой матери,
Его как, молодца, именём зовут,
Величают молодца из отечества».
Приготовили Олёшки коня доброго,
Выходил тогда Олёшка вон на улицу,
Надевал на себя платъице военное,
Тогда скоро заскочил на добра коня —
И поехал Олёшка по чисту полю
Состигать на чистом поли богатыря.
Приезжал Олёшка близко к нему — за пять верст,
Закричал Олёшка громким голосом:
«Уж ты, блядь наша ворона пустоперая,
Ты последняя птица волочажная,
По сметишшам ты, птица, волочиласе,
Поганой косью задавиласе!»
Приезжал Олёшка к ему близко к самому —
Едет детинка — не огленетця,
Всё с утехами своими потешаетця.
Тогда воротитца удалой доброй молодец,
Воротит своёго коня доброго,
Приезжал к Олёшке близко к самому,
Снимал Олёшку со добра коня,
Во праву холку дал ему два отяпыша,
Во леву холку дал два оляпыша,
Посадил Олёшку на добра коня,
Стал Олёшиньки тогда он наказывать:
«Я старбго возьму к себе в прикащики,
Я Добрынюшку возьму во писари,
Я Иванушка Горденова — во конюхи,
Я тебя, Олёшку, — чашки-ложки мыть».
Поехал со своима утехами великима,
Поехал вдоль по чисту полю,
А Олёшка поехал ко белу шатру.
Едет Олёшка не по-старому,
Не по-старому была, не по-прежнему.
Приехал Олёшка ко белу шатру,
Он едва спустился да со добра коня,
Он едва зашел во белой шатер
И стал Олешинька рассказывать,

Со слезами Олешка разговаривать.
Говорит богатырь таковы слова:
«Он старóго берет у нас в прикащики,
Он Добрынюшку Микитича у нас — во писари,
Он Иванушка Горденова — во конюхи,
А меня, Олёшку, — чашки-ложки мыть».
У старóго очи ясны помутилисе,
Его могучие плечи расходилисе,
Богатырское сердце възъярилосе.
Приготовили старому коня доброго.
Выходил старóй вон на улицу,
Надевал на себя платьице военное,
Опоясал кольчуги золоченые,
Он берет с собой палицу буёвую,
Он берет с собой саблю вострую,
Новую саблю, необновлену,
И берет с собой копейцо бурзомецкое.
Не видели посадки молодецкой,
Его скорой побежки лошадиной,
Увидели: во поле только курева стоит,
Курева стоит, да дым столбом валит:
Сустигать он на чистом поле поехал богáтыря.
Недалеко приезжал он, близко — за пять верст,
Закричал тогды старóй громким голосом:
«Уж ты здраствуешь, уда́лой доброй молодец,
Ты какой земли, какого города,
Ты какого отца, коей матери,
Тебя как, молодца, именём зовут,
Величают удалого из отечества?»
Приезжат тогды старóй близко к самому,
Съезжаютца удалы добры молодцы.
Говорит тогды удалой доброй молодец:
«Уж вы ой еси, мои утехы любимые!
Мне-ка нонче, утехы, не до вас сталó,
Не до вас мне сталó, да не до вас пришло».
Съезжались удалы́ добры молодцы,
Они бились палками буёвыма —
От рук ихны палочки ломалися,
Ни один ни однóго не обранили,

Не обранили, не окровавили.
Они секлися сабельками вострыма —
Ешше все ихны сабли исшербилисе,
Ни один ни одно́го не обранили.
Не обранили, не окровавили.
Они тыкались копьями бурзомецкима —
По насадочкам все ихны копья изломалися,
Ни один ни одного не обранили,
Не обранили, не окровавили.
Скакали со своих коней добрых,
Схватилисе они рукопашкою.
Ешше бродят молодцы по колен земли —
У старого рука права промахнуласе,
Да его левая нога подвернуласе —
И упал тогды старой на сыру землю:
Во озерках вода вся сколыбалася,
И сухое пеньё обломалосе,
Сыро дубье со вершинами соплеталосе.
Тогды сел ему собака не белы груди,
Розрывал он его латы-панзыри
И те же кольчуги золоченые.
Тогды взмолилса Илья Муромец:
«Уж ты ой еси, Спас многомилосливой!
Пресвета, говорит, мать Божья Богородица,
Я стоял за веру православную,
Я за руськие церкви за соборные,
И за все монастыри богомольные —
Уж ты выдала меня собаке на поругание!» —
У старого тогда силы вдвоё прибыло,
Он и сшиб-сломил собаку со белых грудей,
Завернулса ему он на черны груди,
Разрывал он его латы-панзыри
И те же кольчуги золоченые,
Тогда вынимал он из кинжалишша булатной нож,
Еще хочет он пороть груди черные,
Мешать он собаки кровь со печенью
И вымать его ретиво серцо —
В заведи у старóго рука права остояласе.
Спрашиват старой Илья Муромец:

«Уж ты ой еси, удалой доброй молодец!

Ты какой земли, какого города,

Ты какого отца, которой матери,

Тебя как, молодца, именем зовут,

Величают удалого по отчеству?»

Ответ держит удалой доброй молодец:

«Когда я сидел у тебя на белых грудях,

И хотел я пороть груди белые,

И хотел я мешать кровь со печенью,

И хотел я вымать ретиво сердце,

Я не спрашивал ни роду, ни племени.

Ни твоё отца, твоей матери».

Вынимал старой из кинжальшша булатен нож,

И хочет он пороть груди черные,

Мешать он собаки кровь со печенью

И вымать его ретиво сердце —

В локтю у старого рука права остояласе.

Спрашиват старой Илья Муромец:

«Уж ты ой еси, удалой доброй молодец!

Ты какой земли, какого города,

Ты какого отца, которой матери,

Тебя как, молодца, именем зовут,

Величают, удалого, по отчеству?»

Ответ держит удалой доброй молодец:

«Когда я сидел у тебя на белых грудях,

И хотел я пороть груди белые,

И хотел я мешать кровь со печенью,

И хотел я вымать ретиво сердце,

Я не спрашивал ни роду, ни племени,

Ни твоё отца, твоей матери».

Вынимал старой Илья Муромец булатен нож,

Он хочет пороть груди черные,

Мешать он собаке кровь со печенью

И вымать его ретиво сердце —

В заведи у старого рука права остояласе.

Спрашиват старой Илья Муромец:

«Уж ты ой еси, удалой доброй молодец!

Ты какой земли, какого города,

Ты какого отца, которой матери,

Тебя как, молодца, именем зовут,
Величают, удалого, по отчеству?»
И сказал тогда удалой доброй молодец:
«От того я от моря от холодного,
От того я от камешка от Латыря,
Я родился от матушки Златыгорки,
От той ли паленицы преудалые».
Тогда стал Илья со черных грудей
И берет его за белы руки,
Человал его в уста сахарные:
«Уж ты ой еси, мое чадо милое!
Мы с твоей матушкой Златыгоркой
Спали-ночевали в одном шатре,
И тут мы тебя, видно, прижили».
Распрощались удалы добры молодцы,
И поехал он к морю ко холодному,
Ко своей ко матери Златыгорки,
А старóй тут осталса на чистом поле
Со своим конем добрым,
Разоставил свой белой шатёр,
И лег он спать во белой шатёр.
Приехал Сокольник ко своему двору,
Ко своей ли матери родимой.
Стречат его матушка родимая:
«Уж ты ой еси, мое чадо любимое!
Не видал ли ты стáрого-седáтого?»
Ответ держит удалой доброй молодец:
«Уж я видел стáрого-седáтого,
Старой называт тебя блядкою,
А меня обзывает он выблядком».
Берет он во свою руку правую,
Берет свою саблю вострую,
Новую саблю, необновлену,
И ссек у ей со плеч голову,
Идёт ко своёму коню доброму,
Повеса идёт буйну голову,
Идет, потупя́ очи ясные.
Садился молодéц на добра коня,
И поехал он по чисту полю

Искать старóго Илью Муромца.
Приехал к старóму ко белу шатру
И скоро скочил со добра коня,
Берет в руки копейцо бурзомецкое,
Распахнул у шатра полу правую,
Ткнул старóму во белы груди.
Пробудилса старой Илья Муромец,
Выскочил старой вон на улицу
В одной беленькой рубашки и без пояса,
В одних беленьких чулочках и без чобота.
Он берет тогда собаку за черны кудри,
Он здымал его выше гóловы,
Опускал его о сыру землю,
О сыру землю его, о горюч камень —
И кончил его тогды вечну жизнь.

*(Зап. Леонтьевым Н. П.: 1 июня 1938 г., д. Лабожское Нижнепечорского р-на
— от Тайбарейского Василия Петровича, 73 г.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.